

М. В. Брянцев

«Германский Октябрь» 1923 г. в представлениях населения советской провинции

Революционные события 1923 г. в Германии, получившие название «германский Октябрь», привлекли внимание советских историков еще в 1960–1980-е гг. как проявление революционного кризиса¹. В конце 1970-х гг. С. Р. Сухоруков проанализировал западногерманскую историографию, посвященную советско-германским отношениям².

В постсоветское время спектр проблем, исследуемых отечественными историками, значительно расширился. С. З. Случ, Л. Н. Нежинский и В. П. Макаренко продолжили изучать германо-советские отношения³. Вместе с тем заметное место в современных исследованиях заняли вопросы участия советских властей и Коминтерна в рассматриваемых событиях⁴.

Однако, исследуя события октября 1923 г., политику Советского государства в связи с ними и участие в них Коминтерна, историки уделяли совсем незначительное внимание трансляции этих событий внутри СССР и реакциям населения на них. Между тем «архивная революция» привела к тому, что исследователи получили доступ к ранее скрытым материалам, которые позволяют изучать результаты пропагандистско-агитационных мероприятий власти, имевших отношение к тем или иным вопросам внутренней и внешней политики.

***Брянцев Михаил
Васильевич***

*д-р ист. наук,
проф., Брянский
государственный
университет
им. академика
И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)*

В настоящей статье предпринимается попытка исследовать восприятие провинциальным населением далеких германских событий. Мы изучили информационные материалы, исходившие от различных ведомств и аккумулированные Объединенным государственным политическим управлением (далее — ОГПУ). В частности, были использованы не только опубликованные материалы из архива Федеральной службы безопасности (далее — ФСБ)⁵, но и документы региональных архивов Брянска, Гомеля, Калуги, Орла, Смоленска, где отложились сведения, послужившие основой для составления сводок ОГПУ⁶. Именно такие документы, если сравнивать их с материалами архива ФСБ, позволяют дать более широкий спектр мнений и представлений о том или ином событии, поскольку материалы местных архивов служили основанием для аналитической работы сотрудников центрального аппарата ОГПУ, составлявших обзоры для советского и партийного руководства. В ходе этой работы многие сведения, поступавшие из регионов, не попадали в итоговые сводки. Думается, что именно первичность информационных материалов придает им особую ценность для темы исследования.

Сложившаяся по окончании Первой мировой войны Версальская система не устраивала ни одну из стран, оказавшихся в лагере проигравших, прежде всего Германию. В свою очередь, Советская Россия также выступала против мирового порядка, навязанного Версальским договором. Положение париев толкало эти страны навстречу друг другу. Именно Германию В. И. Ленин рассматривал как непосредственного союзника в этой борьбе. Однако на первых порах речь шла о союзе только с социалистической Германией. В работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (1920) он, размышляя о судьбах мировой революции и Версальской системы, отдавал предпочтение революционным процессам: «Свержение буржуазии в любой из крупных европейских стран, в том числе в Германии, есть такой плюс международной революции, что ради него можно и должно пойти — если это будет нужно — на более продолжительное существование Версальского мира»⁷. Отвечая на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства *Universal Service* Карла Виганда, Ленин с сожалением говорил о том, что возможность экономического союза России с Германией невелика и пояснял: «Ибо Шейдеману плохие союзники. Мы за союз со всеми странами, никого не исключая»⁸. Но уже в декабре 1920 г., выступая на собрании актива Московской организации РКП(б), Ленин заговорил о неизбежности союза Германии с Советской Россией⁹. Затем эту же мысль он повторил на VIII съезде Советов, отметив, что условия, в которых Германия оказалась в результате Версальского договора, толкают ее «на союз с Россией»¹⁰.

Идея сотрудничества с Германией в самых разных областях, прежде всего военной, была характерна для многих руководителей Советской России¹¹. Заинтересованность советской стороны в сотрудничестве с Германией была столь велика, что отечественные идеологи готовы были внести поправки в марксистскую теорию, заговорив о возможности военного блока с буржуазными государствами. Первым такую мысль озвучил в ноябре 1922 г. Н. И. Бухарин, поставив «теоретический вопрос» на IV Всемирном конгрессе Коминтерна¹².

С немецкой стороны основным связующим звеном выступил генерал Х. фон Сект — глава военного ведомства, а по сути обновленного Генерального штаба немецкой армии (рейхсвера) весной 1920 г. Он полагал, что только в союзе с Россией Германия может вновь стать великой державой. Более того, зимой 1920–1921 гг. Сект создал специальную группу «Русланд», в планы которой входило восстановление советской военной промышленности. В условиях ожидания новой войны с Польшей, за спиной которой стояли страны Антанты, вероятным союзником Советской России могла быть только Германия¹³. Такую же уверенность высказывал и посол Германии в России У. фон Брокдорф-Ранцау¹⁴. К этому же стремилось и правительство В. Куно, почувствовав политическую и экономическую изоляцию страны. Однако на пути этого сотрудничества лежало заметное препятствие — идея мировой революции. Понимание того, что Советская Россия не поступится этой идеей, было характерно для немецкой стороны, что заметно сдерживало сближение стран¹⁵.

Начавшийся в начале 1923 г. рурский кризис подтвердил опасения немецкой стороны. Вторжение в Рур франко-бельгийских войск породило подъем патриотических чувств немецких рабочих, чем не преминули воспользоваться лидеры Коминтерна¹⁶. Подрывная деятельность Коминтерна на территории Германии заставила советское руководство оправдываться и убеждать немецких военных в том, что Коминтерн не является марионеткой Москвы и играет собственную роль. Однако конкретные шаги советского правительства опровергали эти неуклюжие попытки. Советская пропаганда неуклонно проводила мысль о завершении мирной передышки и возникновении «очень скорой оборонительной войны с Польшей и др[угими] западно-окрайными нашими соседями»¹⁷. Такая политика порождала среди населения тревожные ожидания войны. Это беспокойство было столь очевидным, что информаторы уже с начала 1923 г. настойчиво подчеркивали, что рабочих волнует вопрос о возможности «империалистической войны и участия в ней СССР»¹⁸. Такое развитие событий было вполне закономерным. Вся предшествующая политика Советской России говорила в пользу союза с Германией. Советское руководство рассматривало Германию как наиболее ценного партнера в отличие от других европейских держав¹⁹. Вероятно, ориентация СССР на Германию была столь очевидной, что уже в марте 1923 г. информаторы сообщали о слухах, ходивших среди крестьян Калужской губернии, о заключении между Россией и Германией союза «против Франции»²⁰.

Таким образом, советские власти весьма определенно транслировали населению мысль о возможной войне, в преддверии которой советским и партийным органам предлагалось готовить население к частичной предупредительной «мобилизации Комсостава и членов РКП (б)»²¹. Эта мера должна стать особенно продуктивной в случае прихода к власти в Германии коммунистов. Именно «тогда Россия пошлет своих рабочих для подавления Франции»²².

Опираясь на идеи солидарности пролетариев всего мира, советская пропаганда доводила до населения мысль о несправедливости послевоенного устройства мира, в котором Версальский договор превратил Германию в колонию Антанты. Главным угнетателем выступала Франция, проводившая

агрессивную политику в отношении Германии, стремясь не только отторгнуть от нее Рур, но и захватить всю ее территорию. Все это, по мнению советских властей, ставило Германию перед «Гражданской войной и социальной революцией». Случившееся в Руре, по оценке одного из пропагандистов, Коминтерн считал «базисом рабочих для Германии»²³.

Иначе на ситуацию смотрели рядовые граждане СССР. Уже в начале германских событий информаторы Главного политического управления отмечали случаи антимилиитаристских настроений. В частности, граждане д. Подмостье Богородицкой волости Ельнинского уезда Смоленской губернии на сельском сходе вынесли резолюции о нежелании являться на переучет в связи с тем, что они не хотят войны и не хотят «защищать интересы Германии»²⁴.

На протяжении 1923 г. волна забастовочного движения постепенно охватывала германские земли, что привело к кризису правительства В. Куно, которое уже в августе было отправлено в отставку. Руководство РКП (б), ранее настороженно относившееся к событиям в Германии, заговорило о революционной ситуации в этой стране. 22 августа Политбюро постановило образовать специальную комиссию в составе Г. Е. Зиновьева, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, К. Б. Радека и Г. В. Чичерина для реализации плана помощи германскому рабочему классу, включавшего и «мобилизацию боевых сил республики»²⁵. На этом же заседании комиссии была поручена выработка проекта закрытого письма губкомам и тезисов для газетной кампании. Директива ЦК ВКП (б) от 28 августа ориентировала пропагандистов и агитаторов на формирование у населения мысли о неизбежности военного столкновения СССР с западными странами²⁶. Все говорило в пользу того, что к началу осени все сомнения и разногласия будут отброшены. Уже 4 октября на заседании Политбюро было принято решение послать в Германию Г. Л. Пятакова, К. Б. Радека, Я. Э. Рудзутака и В. В. Куйбышева, увеличив особый фонд на 500 тыс. золотых рублей, а 18 октября пришли к мнению о срочной поставке в Германию 10 млн пудов хлеба²⁷.

С первых дней осени в СССР развернулась мощная агитационно-пропагандистская кампания в поддержку германского пролетариата. Огромные силы были брошены на внедрение в сознание населения идеи мировой революции, причем большое место отводилось событиям в Германии. Особое внимание уделялось работе среди красноармейцев Западного фронта. Так, по отчету Брянского Губполитсекретариата и подведомственных ему частей и учреждений работа проводилась по семи направлениям («линиям»); первое из них формулировалось так: «Ознакомление красноармейцев с событиями в Германии». Ситуация в Германии рассматривались в кружках и на политчасах по программе Политического управления Западного фронта²⁸.

Вопрос о германских событиях ставился на волостных съездах, районных сходах и крестьянских конференциях. Только Дорогобужский уком РКП(б) Смоленской губернии провел 21 районный крестьянский сход по германской тематике и представлял соответствующие доклады на 13 волостных съездах. Всего по Дорогобужскому уезду было прочитано 186 докладов в присутствии 15 тыс. жителей. В г. Жатске была устроена серия волостных крестьянских

конференций, где первыми вопросами в повестке стояли доклады на тему «Какое дело русскому крестьянину до Германской революции»²⁹.

Массированное давление множества агитаторов и пропагандистов на крестьянское сознание давало определенные результаты. На организованных собраниях крестьяне принимали нужные резолюции, в которых не только клеймили «международных палачей рабочего и крестьянина», стремившихся «потушить раз и навсегда пожар мировой революции в Европе и задуть Советскую Россию»³⁰, но и выражали готовность поддержать Красную армию. Так, крестьяне Будаевской волости Гжатского уезда на конференции в вынесенной резолюции прямо заявляли: «Мы по прежнему не хотим войны, но если мировая буржуазия протянет свою лапу к Советской России и замахнется на нас кинжалом, мы будем защищаться с оружием в руках. Да здравствует поддержка Германской революции. Да, здравствует власть рабочих и крестьян»³¹. Сообщения о готовности оказывать помощь Германии шли из разных мест. Наиболее податливыми пропагандистским усилиям оказались красноармейцы и молодежь. Бедняки и середняки были готовы поддерживать германскую революцию материально, в частности хлебом, но с условием неучастия в боевых действиях³².

Насколько такие резолюции отражали реальные представления крестьян о событиях в Германии, показывает информационная сводка Демидовского укома РКП (б), в которой отмечалось, что крестьян интересуют германские события, но при этом подчеркивалось: «Подъема к борьбе пока не наблюдается. Только местами молодежь откликается на призыв к борьбе... На районных избирательных собраниях крестьянство принимало наши предложения, но это делалось насильно», — честно признавался информатор³³.

Составители информационных докладов из Гомельской губернии сообщали, что в Климовичах «есть небольшая часть крестьянства, не понимающая изменений в отношениях между Германией и Россией со времени последней империалистической войны» и «некоторая часть, пассивно относящаяся к международному положению». Безразличие к германским событиям отмечалось среди жителей Гомеля, где «боевой готовности и особенного желания оказать материальную поддержку не обнаружено». В одной из могилевских волостей 17 крестьян голосовали против необходимости помощи, заявляя: «Пусть творится без нашей помощи». Сообщалось, что в Рогачеве «события в Германии не проникли в сознание толщи крестьянства», а в Стародубе это отношение характеризовалось так: «От войны нужно стараться избегнуть, но если будет навязана будем воевать». В заключение подчеркивалось, что «там где вол[олостные] конференции были лучше подготовлены выявляется большее понимание»³⁴.

Соглашаясь с предлагаемыми резолюциями, но не доверяя официальным сведениям, крестьяне легко поддавались на «всевозможные провокационные слухи»³⁵. Сказывался и дефицит информации, и недоверие к официальным сообщениям. Так, еще в сентябре из Гжатского уезда сообщалось, что «крестьянское население осведомлено мало» о германских событиях, несмотря на то что члены профсоюза проявляли интерес к развертывавшимся в Германии событиям³⁶. Сложно говорить о степени интереса крестьян к этим событиям,

но очевидно, что недостаток информации и повседневные тяготы оттесняли германские события на периферию крестьянского сознания. Об этом свидетельствует повестка крестьянских собраний и конференций. У крестьян значительно больший интерес вызывали повседневные вопросы внутренней жизни: налоги, дороги, медицинское обслуживание школьное дело и пр. К этому они сводили любое пропагандистское мероприятие. По признанию Смоленского губкома РКП (б), цель кампании — добиться сочувственного отношения крестьянского населения к Германской революции — была достигнута только «частично»³⁷. Таким образом, сами информаторы понимали, что население не желало вмешиваться в германские события, грозившие военными действиями. Никого не могли обмануть резолюции, одобрявшие действия властей. Только давление массы агитаторов и пропагандистов и «нужная» организация кампании позволяли говорить о поддержке мероприятий в отношении происшедшего в Германии. Население же демонстрировало приемлемый для всех конформизм.

Пытаясь разобраться в причинах этого явления, смоленский губком РКП (б) в ноябрьской сводке отмечал сложное отношение населения к германским событиям, которое было «обусловлено не только социальным положением гр[ажд]ан, но их возрастным составом и общественной школой, которую они прошли в период войны и революции»³⁸.

Говоря о серьезности отношений крестьянства к событиям в Германии в целом, информатор раскрывал методы воздействия на крестьян. Населению упорно внушалась идея тесной зависимости настоящего, а тем более будущего Советской России от исхода германских событий; доводилась мысль о том, что в случае поражения Германской революции Советская Россия вновь подвергнется интервенции, а это повлечет за собой потерю всех завоеваний революции в России³⁹.

Несомненно, такое напоминание оказывало сильнейшее психическое давление на людей, недавно переживших ужасы Гражданской войны. Причем указывались конкретные источники возможной агрессии: белая Польша и белая Румыния. Стремясь консолидировать население в условиях возможной войны, советские власти говорили о единении международной буржуазии в борьбе против революционного движения, напоминали исторический опыт Парижской коммуны и Венгерской революции 1919 г.⁴⁰ В частности, представитель Московского комитета РКП (б) П. Я. Витолин, выступая на общем собрании калужских коммунистов, отмечал: «Провозглашение Советской Власти в Германии вызовет немедленное наступление на нее Польши, Англии, Франции и всего буржуазного мира. Буржуазия соберет все свои силы для того, чтобы похоронить революцию Германии»⁴¹. Таким образом, стремясь сформировать положительное отношение населения к германским событиям, власти использовали безошибочный пропагандистский прием противопоставления «свой — чужой»: в данном случае единству мировой буржуазии необходимо было противопоставить пролетарский интернационализм⁴².

Советские и партийные власти активно формировали у населения представление об агрессивности буржуазных стран, подчеркивая необходимость

мобилизации сил для отражения возможной интервенции. Брянский губком партии уже в конце сентября, отмечая усложнение международной обстановки и приближение революции в Германии, заявлял: «Задача нашей партии — раскрыть перед глазами масс всю огромную важность переживаемого момента, как в отношении международного, так и внутреннего положения, призвав их к боевой готовности для отпора возможному нападению империалистов; подчеркнуть необходимость углубления социалистического строительства»⁴³.

Именно через образ врага — алчного, агрессивного, стремящегося поработить советский народ — в сознание населения внедрялась мысль о неизбежности новой войны в связи с германскими событиями. Об этом откровенно говорилось на пленуме ЦК РКП (б) в сентябре 1923 г., где вероятными противниками были названы Франция и Польша⁴⁴. М. Н. Тухачевский, выступая в Смоленске на гарнизонном собрании коммунистов и кандидатов РКП (б) в начале сентября 1923 г., конкретизировал возможные контрреволюционные силы. По его расчетам, в случае победы социалистической революции в Германии Франция способна выставить против нее 32 дивизии, Чехословакия — 12 пехотных дивизий, Польша — 30 дивизий. Противостоять же им будет не более 21 советской дивизии. Свой доклад Тухачевский закончил словами: «Мы стоим накануне революции или контрреволюции в Германии. Они говорят, что это будет поход против большевизма, а мы говорим, что это будет решительный окончательный бой с буржуазией»⁴⁵.

Подобное нагнетание атмосферы давало результат. Старшее поколение крестьянства, наученное жизненным опытом, боялось потерять свое состояние. Информатор, видя колебания населения, тем не менее сообщал: «При исключительных обстоятельствах они не против войны и поддержат даже ее, если она будет навязана, возникнет, как неизбежное. Такая война для них будет понятна»⁴⁶. Среднее поколение деревни, крестьяне, хлебнувшие ужасов войны (Первой мировой и в особенности Гражданской), не проявляя особого энтузиазма, «более склонн[о] оказать реальную помощь рабочим [и] крестьянам Германии, зная по опыту напор гражданской войны, чем скорее расправится со своими врагами Германская революция, тем скорее возьмется за налаживание своего хозяйства, тем лучше будет для русского крестьянина»⁴⁷.

Наиболее оптимистично было настроено молодое поколение деревни, особенно бедняки, для которых служба в армии являлась не только местом реализации своей энергии, но и способом найти средства к существованию, чего они не могли сделать в деревне⁴⁸.

Несомненно, возрастные различия существовали, но в целом крестьяне, даже если они положительно оценивали события в Германии, не были расположены воевать. В сводке Заднепровской районной организации РКП (б) Смоленска за январь 1923 г. отмечалось, что они были готовы платить повышенные налоги, лишь бы не идти на войну⁴⁹. Аналогичные настроения отмечались в Духовщинском уезде Смоленской губернии: «[Крестьяне] дают понять, что войны они не особенно хотят... Что касается оборонительной [войны] от Польши, то здесь они выражаются определенной и резче»⁵⁰.

Специфическая реакция крестьян на события в Германии отмечена в закрытом письме секретаря Демидовского укома РКП (б). Говоря, что большинство крестьянства «готово по первому зову правительства» пойти на помощь Германии, он заключил, что «резолуциями убаюкивать себя не приходится. Общая оценка всех товарищей, побывавших в деревне, гласит, что *деревня пока пассивна*»⁵¹. И это уже в ноябре 1923 г., когда единичные попытки вооруженного восстания были подавлены и события приобрели негативный для СССР характер.

Вполне очевидна настороженность крестьянской массы в отношении возможной войны. В крайнем случае они были готовы на оборонительную войну от агрессивного соседа — Польши, но жертвовать собой во имя абстрактной идеи мировой революции и пролетарского интернационализма не хотели. Такой настрой диктовал властям и методы воздействия на население. Для достижения нужного результата постоянно подчеркивалась миролюбивая внешняя политика Советского государства⁵². При проведении агитации среди крестьян рекомендовалось «меньше всего... апеллировать к интернационалистским чувствам крестьянина»⁵³. Главное внимание должно уделяться их хозяйственным и политическим интересам.

В сознание крестьян внедрялась мысль о том, что, помимо прочего, победа революции в Германии будет означать для русского крестьянина быстрый подъем сельского хозяйства, более дешевые сельскохозяйственные машины, повышение цен на продукты сельского производства и т. д. В лице социалистической Германии СССР получит мощного образованного союзника: «[Это] отобьет всякую охоту у буржуазии нападать на нас и создаст величайшую хозяйственную и политическую силу для освобождения рабочего класса всего мира»⁵⁴. В секретном письме секретаря Смоленского губкома РКП(б) Д. С. Бейка укомам партии прямо говорилось: «Судьба пролетарской революции в Союзе Сов. Республик и перспективы ее хозяйственного возрождения связать с успехом развития пролетарской революции в Германии и необходимостью оказать ей активную помощь»⁵⁵.

Пункты о миролюбивой советской внешней политике и о поддержке германского пролетариата Орловский губком предлагал включить «в срочном порядке к 20-му октября [в] наказ городским избирателям к перевыборам [в горсовет]»⁵⁶. Особый акцент на миролюбивую политику был отражением целенаправленной политики руководства РКП(б) по внедрению в сознание масс идеи мировой революции. Уже в условиях развертывавшихся ноябрьских событий в Германии на места была разослана директива за подписью В. М. Молотова. В этой директиве предписывалось при проведении кампаний и широкой агитационной работы в связи с надвигающейся германской революцией отводить центральное место выявлению «мирной политики СССР» и подчеркиванию «неизбежности интервенции в случае подавления германской революции». Особое внимание обращалось на пресечение возможных обвинений в «красном империализме» со стороны «антисоветских партий и группировок»⁵⁷. На местах это указание из Москвы неуклонно проводилось в жизнь;

в частности, секретарь Вяземского укома РКП (б) сообщал: «Кампании нами проводятся исключительно под лозунгами возможной обороны»⁵⁸.

Освещая события в Германии, советская пропаганда подчеркивала миролюбие СССР и агрессивность буржуазных государств, отводя важное место критике буржуазного правительства Германии и разоблачению позиции германской социал-демократии. Важно было показать деградацию социал-демократов и, наоборот, рост влияния коммунистической партии. Агитаторы всячески подчеркивали предательскую связь социал-демократов с буржуазными правительствами. Так, на общем собрании Жиздринской городской организации РКП Калужской губернии 9 января 1923 г. некто Гинсбург, выступавший с информацией о событиях в Германии, отмечал: «Германские меньшевики сами стоят не во власти, но всецело в руках Стениса, который им диктует»⁵⁹. Тем самым проводилась мысль не только о предательской роли социал-демократов, находящихся на службе у капитала, но и о необходимости единого фронта трудящихся под руководством коммунистической партии «как единственной защитницы трудящихся масс», которая поможет дать отпор мировому капиталу⁶⁰.

Одним из агитационных приемов при освещении германских событий стало увязывание распространяющегося фашизма не только с событиями в Германии, но и «через Польшу, Румынию и другие крайние государства — на союз советских республик»⁶¹. Населению активно объясняли суть фашистской идеологии: «Как явление новое, состоящее из деклассированной массы, [она] подхватывается мировой буржуазией. [Это одна] из сил на которую можно опереться капиталистическому строю. Фашизм как интернациональное движение рождается во всех капиталистических государствах. Даже бежавшая русская буржуазия за границей, видимо, тоже от пассивности переходит к активности путем фашизма и т. п.»⁶².

Вообще фашистская организация «является исключительной защитницей интересов капиталистов, но отнюдь не защитницей рабочего класса». Фашизм, наоборот, создан буржуазией для подавления рабочего движения, а потому, зародившись в Италии, он поднимает голову в Польше, Германии, Франции и других странах. «Это последняя ставка буржуазии», — заключал один из агитаторов⁶³. Аналогичные интерпретации фашизма пытались донести до каждого гражданина Советской Республики.

Угроза фашизма становилась еще одной консолидирующей идеей, позволявшей сплотить население СССР. Не случайно летом 1923 г. в поддержку событий в Германии выступили смоленские анархисты-универсалисты и анархисты-коммунисты, которые, признав затяжной характер мировой революции, считали необходимым изменение своей тактики и отношения к большевикам. Для них Германия должна была стать тем местом, где сопротивление пролетариата фашизму приведет к событиям, аналогичным российским⁶⁴.

Все это определяло необходимость и важность поддержки разворачивающейся в Германии революции. В резолюции торжественного заседания представителей партийных, советских и профессиональных организаций г. Орла в честь 6-й годовщины Октябрьской революции по докладу Аксенова на тему

«Октябрьская революция и перспективы Германской революции» отмечалось: «Мы наготове и по первому зову о помощи эту помощь дадим. Да здравствует РКП (б)! Да здравствует революционная Германия! Да здравствует Власть Советов во всем мире!»⁶⁵

Итак, советские власти рассматривали события в Германии как важнейший инструмент продвижения революции на Запад. Однако население, недавно пережившее Гражданскую войну, в массе своей никакой новой войны, даже во имя идей социализма, не хотело. Люди готовы были откупиться от нее, платя повышенные налоги, соглашаясь с предлагаемыми резолюциями в поддержку революционных событий в Германии и пр. В этих условиях партия большевиков рассчитывала на пропаганду миролюбивой советской внешней политики, подчеркивая тем самым агрессивные намерения «мировой буржуазии», в авангарде которой, по ее мнению, шли Польша и Франция.

Важным элементом влияния на сознание людей стала проповедь идеи о непосредственном влиянии германских событий на судьбу Советской России. Население подводило к мысли о том, что ради сохранения завоеваний Октябрьской революции в СССР нужно оказывать всемерную поддержку рабочему движению в Германии. Консолидация пролетариата становилась залогом победы в противостоянии с врагом в лице мирового капитала. Союзу буржуазных государств следовало противопоставить пролетарский интернационализм.

Создавая нужный образ «германского Октября», руководство РКП(б) одновременно преследовало и собственную цель: выдвигая идею солидарности вне зависимости от результатов борьбы немецкого пролетариата, оно повышало легитимность собственной власти.

¹ *Давидович Д. С.*: 1) Революционный кризис 1923 г. в Германии и гамбургское восстание. М., 1963; 2) Гамбург на баррикадах. М., 1985; *Орлова М. И.*: 1) Уроки немецкого октября: очерк развития немецкой историографии революционного кризиса 1923 г. в Германии. М., 1965; 2) Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика Коммунистической партии. М., 1973; и др.

² *Сухоруков С. Р.* Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений 1917–1932 гг. М., 1976.

³ *Случ С. З.* Германо-советские отношения в 1918–1941 гг. // *Славяноведение*. 1995. № 6; 1996. № 3; *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004; *Макаренко В. П.* «Немецкий Октябрь» 1923 г. и советская внешняя политика // *Вопросы истории*. 2012. № 3. С. 36–55.

⁴ *Бабиченко Л. Г.* Политбюро ЦК РКП (б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. // *Новая и новейшая история*. 1994. № 2. С. 125–157; *Ватлин А. Ю.*: 1) Коминтерн и Германия в 20-е годы // *Вестник МГУ*. Сер. 8. 1998. № 4. С. 22–32; 2) Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009.

⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг. Т. 1, ч. 2. М., 2001; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929. М., 2000.

⁶ Имеются в виду следующие архивы и фонды: Государственный архив Брянской области (далее — ГАБО); Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее — ГАООГО); Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее — ГАНИСО). Ф. 3; Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее — ГАДНИКО). Ф. П-49; Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. П-1.

- ⁷ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1981. С. 61.
- ⁸ Ленин В. И. Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. М., 1974. С. 145.
- ⁹ Ленин В. И. Собрание актива Московской организации РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1970. С. 68–70.
- ¹⁰ Ленин В. И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) на VIII съезде Советов 21 декабря // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 104.
- ¹¹ См. об этом: Кантор Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009. С. 9–12; и др.
- ¹² См. об этом: Кёнен Г. Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М., 2010. С. 281–282.
- ¹³ Там же. С. 271, 281.
- ¹⁴ Кантор Ю. З. Заклятая дружба. С. 23.
- ¹⁵ См. об этом: Макаренко В. П. «Немецкий Октябрь»...
- ¹⁶ См. об этом: Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. С. 106; и др.
- ¹⁷ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1941. Л. 2.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 15.
- ²⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину... Т. 1, ч. 2. С. 825.
- ²¹ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942. Л. 274.
- ²² ГАДНИКО. Ф. П-49. Оп. 3. Д. 2. Л. 8.
- ²³ Там же. Л. 8, 135.
- ²⁴ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 2. С. 82.
- ²⁵ Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 167.
- ²⁶ Ватлин А. Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. С. 116. — Были приняты и конкретные меры, направленные на раздувание пожара революции в Германии. Советское руководство выделило для этой цели 300 млн золотых рублей, направив своих представителей для нелегальной работы, выпускников и слушателей старшего курса спецфакультета Военной академии РККА — для подготовки боевых отрядов КПГ (*Пятницкий В. И.* Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004. С. 90). Военный атташе М. К. Петров передавал немецким коммунистам закупленное якобы для нужд Красной армии оружие и военное имущество с целью подготовки вооруженного восстания (*Кантор Ю. З.* Заклятая дружба. С. 23).
- ²⁷ Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». С. 23–24.
- ²⁸ ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1066. Л. 5.
- ²⁹ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1944. Л. 195.
- ³⁰ Там же. Д. 1988. Л. 110.
- ³¹ Там же.
- ³² ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2017. Л. 70.
- ³³ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1989. Л. 65.
- ³⁴ ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2017. Л. 70.
- ³⁵ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1941. Л. 101.
- ³⁶ Там же. Д. 1988. Л. 84.
- ³⁷ Там же. Д. 1944. Л. 195.
- ³⁸ Там же. Л. 172.
- ³⁹ Там же. Л. 172.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 495а. Л. 213.
- ⁴¹ ГАДНИКО. Ф. П-49. Оп. 3. Д. 2. Л. 134.
- ⁴² О влиянии такого приема на сознание человека см: *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М., 2006. С. 52.
- ⁴³ ГАДНИКО. Ф. П-49. Оп. 3. Д. 116. Л. 365.

- ⁴⁴ См. об этом: Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. С. 171; и др.
- ⁴⁵ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1932. Л. 53 об. — Такая вера в пролетарский интернационализм странна для «красного маршала», который уже однажды обжегся на этом в период советско-польской войны двумя годами ранее.
- ⁴⁶ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1944. Л. 172.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1944. Л. 173; Д. 1743. Л. 56.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1952. Л. 4 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 1743. Л. 15.
- ⁵¹ Там же. Л. 51 об. — Подчеркивание в тексте информационной сводки передано курсивом.
- ⁵² С. Московичи полагает, что прием повторения является важным условием пропаганды, придающим утверждениям дополнительную убедительность превращающим их в навязчивые идеи. В то же время повторение возводит обязательный барьер против всякого противоположного утверждения с помощью возврата без рассуждений тех же слов, образов и позиций. Повторение придает им осязаемость и очевидность, которые заставляют принять их целиком (*Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. М., 1998. С. 118–120).
- ⁵³ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 495а. Л. 255.
- ⁵⁴ Там же. Л. 213–213 об.
- ⁵⁵ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942. Л. 221.
- ⁵⁶ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 897. Л. 24.
- ⁵⁷ Там же. Л. 39.
- ⁵⁸ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1743. Л. 56.
- ⁵⁹ ГАДНИКО. Ф. П-49. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.
- ⁶⁰ Там же. Л. 8. — Идея рабочего фронта была принята как тактика Коминтерна в декабре 1921 г. и стала основной вплоть до 1928 г. См. об этом: *Прокопов А. Ю.* Коммунистический Интернационал в 20-е годы: британское направление деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. С. 1–11.
- ⁶¹ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942. Л. 221.
- ⁶² ГАДНИКО. Ф. П-49. Оп. 3. Д. 2. Л. 13.
- ⁶³ Там же. Л. 55.
- ⁶⁴ ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1747. Л. 3.
- ⁶⁵ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 896. Л. 22

Статья поступила в редакцию 17 августа 2018 г.

Рекомендована в печать 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Брянцев М. В. «Германский Октябрь» 1923 г. в представлениях населения советской провинции // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9, № 2. С. 406–419.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.207>
УДК 94(47) 084.5+159.9->316.6

Аннотация: В статье на основе материалов из архива Федеральной службы безопасности и региональных архивов Брянска, Гомеля, Калуги, Орла и Смоленска предпринимается попытка исследовать реакцию населения советской провинции на события 1923 г., получившие название «германский Октябрь». Советские власти рассматривали события в Германии как важнейший инструмент продвижения революции на Запад и были готовы на самые радикальные действия во имя этой идеи. С целью создания положительного образа действий коммунистов в Германии и оказания помощи революционным силам в СССР была развернута мощная пропагандистская кампания, в ходе которой подчеркивалась агрессивная сущность «мировой буржуазии» и миролюбивая внешняя политика СССР. Существенное

место в освещении событий в Германии отводилось критике буржуазного правительства Германии и разоблачению предательской позиции германской социал-демократии. Важно было показать деградацию социал-демократов и, наоборот, рост влияния коммунистической партии. Зависимость судьбы Советской России от исхода германской революции стала еще одним аргументом в пользу необходимости оказания всемерной помощи пролетариату Германии в его борьбе против капитала. Пролетарская солидарность должна была стать залогом победы в противостоянии с врагом в лице «мирового капитала». Однако, несмотря на пропагандистскую кампанию в СССР, население неоднозначно восприняло выступление коммунистов Германии. Уставшие от войн и революций, люди не готовы были идти на крайние меры ради эфемерной победы мировой революции. Возобладала идея поддержки революции идеологически и материально, но никак участием в военных действиях на стороне германского пролетариата. Некоторым исключением стали настроения в молодежной среде, где события в Германии вызвали определенный энтузиазм. Идеи пролетарской солидарности оказались малоэффективными в условиях раздираемого внутренними противоречиями советского общества.

Ключевые слова: революция, германский пролетариат, Коминтерн, пролетарская солидарность, советское правительство, советская провинция.

Сведения об авторе: *Брянцев М. В.* — д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия); bmwbox@mail.ru

Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Россия, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 14

FOR CITATION

Bryantsev M. V. 'The "Great October" of 1923 in the Views of the Population of the Soviet Provinces', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 406–419. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.207>

Abstract: Using materials from FSB archives and regional archives of Bryansk, Gomel, Kaluga, Orel, and Smolensk, this article investigates popular reactions in Soviet provinces to the "German October" in 1923. Soviet authorities viewed the actions of communists in Germany positively and to assist them, a powerful propaganda campaign was launched. Ideas of peaceful Soviet foreign policy were broadcast to the population, and Poland and France were framed as embodying the aggressive intentions of the "global bourgeoisie". A significant place in the coverage of events in Germany was given to criticism of the German bourgeois government and the exposure of the position of German social democracy. It was important to show the degradation of social democrats and the growing influence of the Communist Party. An important element of influence on people's minds was the idea of the direct influence of German events on the fate of Soviet Russia. The population was led to believe that, to preserve the gains of the October revolution in the USSR, it was necessary to provide full support to Germany's labor movement. Consolidation of the proletariat became the key to victory in the confrontation with global capital.

Keywords: revolution, Germany, Comintern, OGPU, Soviet government, Soviet Union, RCP(b).

Author: *Bryantsev M. V.* — Dr. Sci. in History, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Bryansk State University (Bryansk, Russia); bmwbox@mail.ru

Bryansk State University, 14, ul. Bezhitskaya, Bryansk, 41036, Russia

References:

- Babichenko L. G. 'Politbiuro TsK RKP(b), Komintern i sobyitiia v Germanii v 1923 g.', *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 2, 1994.
- Cherniavskaia V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviia: ucheb. posobie* (Moscow, 2006).
- Davidovich D. S. *Gamburg na barrikadakh* (Moscow, 1985).

- Davidovich D. S. *Revoliutsionnyi krizis 1923 g. v Germanii i gamburskoe vosstanie* (Moscow, 1963).
- Kantor Yu. Z. *Zakliataia druzhba. Sekretnoe sotrudnichestvo SSSR i Germanii v 1920–1930-e gody* (St. Petersburg, 2009).
- Koenen G. *Mezhdru strakhom i voskhishcheniem. "Rossiiskii kompleks" v soznanii nemtsev, 1900–1945* (Moscow, 2010).
- Makarenko V. P. "Nemetskii Oktiabr" 1923 g. i sovetskaia vneshnaia politika', *Voprosy istorii*, no. 3, 2012.
- Moskovichi S. *Vek tolp. Istoricheskii traktat po psikhologii mass* (Moscow, 1998).
- Nezhinskiy L. N. *V interesakh naroda ili vopreki im? Sovetskaia mezhdunarodnaia politika v 1917–1933 gg.* (Moscow, 2004).
- Orlova M. I. *Revoliutsionnyi krizis 1923 g. v Germanii i politika Kommunisticheskoi partii* (Moscow, 1973).
- Orlova M. I. *Uroki nemetskogo oktiabria: ocherk razvitiia nemetskoj istoriografii revoliutsionnogo krizisa 1923 g. v Germanii* (Moscow, 1965).
- Politbiuro TsK RKP (b) — VKP (b) i Evropa. Resheniia "osoboi papki". 1923–1939* (Moscow, 2001).
- Politbiuro TsK RKP (b) — VKP (b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* (Moscow, 2004).
- Piatnitskiy V. I. *Osip Piatnitskii i Komintern na vesakh istorii* (Minsk, 2004).
- Prokopov A. Yu. *Kommunisticheskii Internatsional v 20-e gody: britanskoe napravlenie deiatel'nosti. Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 6, 2009.
- Sluch S. Z. 'Germano-sovetskie otnosheniia v 1918–1941 gg.', *Slavianovedenie*, no. 6, 1995.
- Sluch S. Z. 'Germano-sovetskie otnosheniia v 1918–1941 gg.', *Slavianovedenie*, no. 3, 1996.
- "Sovershenno sekretno": *Lubianka-Stalinu o polozhenii v strane. 1922–1934 gg.*, vol. 1, part 2 (Moscow, 2001).
- Sovetskaia derevnia glazami VChK — OGPU — NKVD: dokumenty i materialy*, in 4 vols, vol. 2: 1923–1929 (Moscow, 2000).
- Sukhorukov S. R. *Zapadnogermanskaia burzhuaznaia istoriografiiia sovetsko-germanskikh otnoshenii 1917–1932 gg.* (Moscow, 1976).
- Vatlin A. Yu. 'Komintern i Germaniia v 20-e gody', *Vestnik MGU*, Ser. 8, no. 4, 1998.
- Vatlin A. Yu. *Komintern: idei, resheniia, sud'by* (Moscow, 2009).

Received: August 17, 2018

Accepted: February 18, 2019